

*УБИЙСТВО
ПО ЛЮБВИ*

КЭРОЛАЙН КЕПНЕС

**ТЫ
МЕНЯ
ЛЮБИШЬ**

Москва
2022

Посвящается моей маме

1

Я уверен, что разговаривал по телефону именно с тобой. И голос у тебя был такой мягкий и обволакивающий, что, едва повесив трубку, я пошел и купил себе кашемировый свитер. Теплый. Внушающий доверие. Ты позвонила мне три дня назад и сообщила: мол, я принят на работу в публичную библиотеку Бейнбриджа. Предполагалось, что звонок будет коротким. Формальным. Ты — Мэри Кей Димарко, руководитель филиала. Я — Джо Голдберг, волонтер. Но между нами возникло притяжение. Пробежала искра. Мы обменялись парой шуток. Твой тембр проник мне под кожу, и я уже собрался загуглить тебя, но передумал. Женщины сразу чувствуют, когда парень знает о них слишком много, а мне хотелось произвести на тебя впечатление при встрече. И вот я на месте, даже раньше времени, и вот ты (это ведь ты?) — привлекательная, обслуживаешь посетителя, местного старпера, от которого несет нафталином и выпивкой; ты сексуальна, но не вульгарна: в короткой юбке, но в непрозрачных черных колготках, скрывающих столько же, сколько выставляли напоказ окна без занавесок в квартире Бек (упокой Господь ее душу). Ты повышаешь голос, настаивая, чтобы «нафталин» попробовал Харуки Мураками, — и у меня улетучиваются последние сомнения. Это ты говорила со мной по телефону, и, черт возьми, Мэри Кей...

Неужели ты моя судьба?

Знаю, знаю. Ты не вещь, бла-бла-бла. Возможно, я слишком забегаю вперед. Мы почти незнакомы, и я недавно прошел через ад. Меня несколько месяцев держали в тюрьме. Я потерял сына. Потерял мать своего сына. Сам чудом выжил. И я хочу поговорить с тобой немедленно — прямо сейчас! — но беру себя в руки и отхожу. Твоя фотография висит на стене в холле — еще одно, окончательное подтверждение. Ты Мэри Кей Димарко, библиотекарь с шестнадцатилетним стажем. Чувствую себя новичком. Недостойным внимания. Но затем ты покашливаешь — не такой уж недостойный, да? — и я оборачиваюсь; ты показываешь мне два пальца — знак мира — и улыбаешься. Надо подождать еще пару минут. Я улыбаюсь в ответ. Можешь не торопиться.

Знаю, ты думаешь: «Какой милый, терпеливый парень!» — и впервые за последние месяцы меня не захлестывает раздражение, когда приходится строить из себя паиньку. Видишь ли, у меня больше нет выбора. Я теперь всегда и для всех должен быть «хорошим парнем». Это единственный способ вновь не угодить в жернова американской системы кривосудия. Ты-то наверняка ни разу с ней не сталкивалась. Если б не их любовь к легким деньгам, боюсь подумать, что бы со мной сейчас было. А так я разыграл свою карту «Бесплатное освобождение из тюрьмы» в этой насквозь прогнившей «Монополии» (благодарю, богатенькие Квинны!), но — увы — оказался слишком легковерным (будьте вы прокляты, богатенькие Квинны!) и теперь готов ждать тебя целый день. Потому что если хоть одна живая душа в этой библиотеке воспримет меня как угрозу... Ну уж нет, я рисковать не хочу.

Я строю из себя скромнягу — даже телефон не достаю — и с наслаждением наблюдаю, как ты почесываешь ногу. Ты знала, что сегодня мы встретимся, и надела эту юбку для меня? Возможно. Ты взрослее и смелее меня, как старшеклассница по сравнению с прыщавым подростком.

Я так и вижу тебя в девяностых — дерзкую и чувственную, словно сошедшую с обложки молодежного журнала. Ни капли не меняясь, ты шагала сквозь пространство и время, ожидая, но все никак не дожидаясь появления хорошего человека. И пришла ко мне. Наше время настало. «Нафталин» листает Мураками, и ты смотришь на меня с гордостью: «Видал, как я его?» И я киваю.

Да, Мэри Кей. Я все вижу.

Ты — Мать Книги, строгая, как робот в костюме французской горничной — юбка, правда, коротковата, — и ты стискиваешь локти, пока «нафталин» переворачивает страницы, словно работаешь за комиссионные, словно тебе нужно, чтобы он непременно взял именно этот роман. Тебе небезразличны книги, и я, как никто другой, тебя понимаю — вплоть до побелевших костяшек пальцев. Но даже тут ты лучше меня, ведь твой интерес совершенно бескорыстен: старикану в конце не придется вытаскивать кредитку. Все-таки надежда у Америки еще есть. Взять хотя бы гребаную десятичную систему классификации книг Дьюи. Уж на что был токсичный тип, но посмотрите, что он сделал для этой страны!

«Нафталин» похлопывает взятого Мураками по обложке.
— Хорошо, куколка, жди отзыва.

Ты улыбаешься — тебе нравится, когда тебя называют «куклой» — и тут же вздрагиваешь: чувствуешь себя виноватой из-за того, что не возмутилась. Ты и кукла, и хозяйка. Ты любишь книги. Умеешь мыслить. Видишь обе стороны. Ты посылаешь мне еще один знак мира — просьбу подождать — и немного красуешься передо мной. Говоришь молодой мамочке, что у нее очень милый малыш (на самом деле нет). Тебя все обожают, так ведь? Хотя с твоим небрежным пучком, который так и норовит превратиться в хвостик, и модным бунтом против обычных библиотечарских немарких рубашек и мешковатых брюк стоило бы ждать совсем другой реакции — скажем так, не столь благосклон-

ной. Ты то и дело говоришь «ага», и я почти уверен, что ты просто создана для меня, как если бы «мудрую» Дайан Китон скрестили с «сумасшедшей» Дайан Китон¹. Я поправляю штаны — полегче, Джозеф! — мне пришлось пожертвовать библиотеке сотню тысяч баксов, чтобы повернуть эту штуку с волонтерством. И если ты спросишь у властей Калифорнии, или девушки, которая варит кофе в местной забегаловке, или у соседа, чья собака сегодня утром опять нагадила на моем газоне, — все они скажут одно и то же.

Я хороший парень.

Это юридический факт. Я не убивал Джиневру Бек (упокой Господь ее душу) и Пич Сэлинджер (пусть земля ей будет пухом). Я усвоил урок. Теперь, когда люди пробуждают во мне темную сторону, я убегая. Бек тоже могла бы сбежать — я не годился для нее, а она не созрела для настоящей любви, — но она осталась, как самая нелепая, плохо прописанная, лезущая в самое пекло героиня второсортных фильмов ужасов. И я, откровенно говоря, был не лучше. Мне стоило бы разорвать с ней связь в тот же день, как я встретил Пич. И Лав следовало бросить сразу после знакомства с ее братцем-социопатом.

В библиотеку влетает девочка-подросток, с разгону на скакивает на меня и вталкивает обратно в настоящее, даже не извиняясь. Она стремительна, как сурикат.

— Только не «Колумбайн»², Номи. Без шуток! — рявкаешь ты.

Ага, значит, Суриката — твоя дочь. У нее нелепые маленькие очки — готов спорить, она носит их назло тебе. Она дерзкая и больше похожа на непослушного ребенка, чем на угрюмого подростка. Не моргнув глазом, Номи вы-

¹ Дайан Китон (наст. Дайан Холл, р. 1946) — американская киноактриса, кинорежиссер и продюсер.

² «Колумбайн» — книга Д. Каллена, в которой рассказывается об одной из самых страшных трагедий в истории США, когда 20 апреля 1999 г. два подростка совершили вооруженное нападение на школу «Колумбайн».

таскивает из своего рюкзака громоздкий экземпляр «Колумбайна» и показывает тебе средний палец. Ты отвечаешь ей тем же. Веселая у вас семейка. Интересно, есть ли у тебя на пальце кольцо.

Нет, Мэри Кей. Кольца нет.

Ты кладешь руку на увесистый том, оставленный на стойке; Суриката выскакивает на улицу так же стремительно, как и ворвалась сюда. Ты следуешь за ней. Незапланированный антракт. Чтобы скоротать время, я вспоминаю, что ты успела рассказать мне в ходе нашего судьбоносного телефонного разговора.

Твоя мать распространяла косметику «Мэри Кей», причем делала это истово и беспощадно. Все твое детство прошло в чужих гостиных Финикса под бесконечно повторяющийся рекламный рефрен: ты играла с куклами Барби и слушала, как мать вновь и вновь увещевает несчастных жен купить губную помаду, чтобы вернуть в семью загулявших мужей. Как будто помада может спасти брак. Твоя мать неплохо справлялась, водила розовый «Кадиллак», но потом родители развелись. Вы с матерью переехали в Бейнбридж, и она круто поменяла свою жизнь: вместо косметики стала продавать одежду и снаряжение для активного отдыха на природе. Ты сказала, что она скончалась три года назад, затем глубоко вздохнула и добавила: «Что-то я слишком много болтаю».

Но я так не считал, и, к счастью, ты сообщила кое-что еще: твое любимое место на острове — парк Форт-Уорд. Потом ты призналась, что обожаешь бункеры, и упомянула граффити. *Бог убивает всех*. Я сказал, что так и есть. Ты спросила, откуда я. Я честно ответил, что вырос в Нью-Йорке, и тебе это понравилось, а потом признался, что отмотал срок в Лос-Анджелесе, но ты не поверила, решив, что я шучу. И кто я такой, чтобы разубеждать тебя?

Дверь открывается, и ты снова возникаешь передо мной. Во плоти и в юбке. Не знаю, что ты сказала своей

Сурикате, но та, явно разозлившись, хватает стул и разворачивает его к стене. А ты наконец подходишь ко мне, теплая и мягкая, как мой новый кашемировый свитер.

— Прошу прощения за сцену, — говоришь ты, будто сожалел, что мне пришлось стать зрителем вашей семейной драмы. — Джо, так ведь? Мы, кажется, говорили по телефону.

Тебе не кажется. Ты знаешь. Ага. Но как ты могла предугадать, что тебе захочется сорвать с меня одежду при первой же встрече? Ты жмешь мою руку. Я прикасаюсь к твоей коже, вдыхаю тебя — ты пахнешь Флоридой. И я чувствую, как ко мне возвращается сила.

Ты смотришь на меня в упор.

— Может, уже отпустите меня?

Я поспешно разжимаю ладонь.

— Простите.

— Нет, это вы простите, — говоришь и наклоняешься ближе, как в фильме «Близость». — Я съела апельсин на улице, и пальцы у меня немного липкие.

Я нюхаю ладонь и тоже придвигаюсь к тебе.

— А пахнет мандарином.

Ты смеешься над моей шуткой и шепчешь:

— Только никому!

И вот мы уже с тобой вдвоем против всех. Я спрашиваю, дочитала ли ты Лизу Таддео — ведь я хороший парень, а хорошие парни всегда помнят чушь, которую девушка несла по телефону. Ты киваешь и говоришь, что тебе понравилось. Я тактично спрашиваю, можно ли задать вопрос о твоей дочери и ее книге. Ты краснеешь.

— Ага. Ну, как видите... Она немного одержима Диланом Клиболдом.

— Одним из школьных стрелков?

— Не совсем. Понимаете, дочь уверяет, что он — гениальный поэт, и хочет написать о нем эссе для поступления в колледж...

— Не самая удачная идея.

— Кто спорит? Я сказала ей то же самое, но она обозвала меня «лицемеркой»: в ее возрасте я выбрала для эссе бунтарку Энн Петри вместо безопасной Джейн Остин, ну и нажила проблем.

Ого, я так тебе понравился, что ты напропалую сыплешь именами!

— Не могу вспомнить... — продолжаешь ты (ну да, так я и поверил!) — У вас есть дети?

Стивену Кингу не нужно убивать людей, чтобы живописать смерть, и мне необязательно иметь детей, чтобы понять, каково быть родителем. И к тому же чисто технически у меня есть ребенок, просто он не рядом, и я не могу таскать его по местным скалам, как все эти полоумные папаши в камуфляже. Я качаю головой и замечаю, как загораются твои глаза. Ты надеешься, что я свободен, и хочешь сближения. Поэтому я возвращаюсь к теме, которая нас объединяет, — к книгам.

— Кстати, я обожаю Энн Петри. Ее «Улица» — просто шедевр.

Я надеялся поразить тебя своей начитанностью, но трюк не удался: эта книга достаточно известная, а ты — лиса. Осторожная и сдержанная. Поэтому я поднимаю ставки и сетую, что так мало читают ее замечательный роман «Узлы». На этот раз ты улыбаешься (отличный ход, Джо!), однако мы не одни, и ты кладешь руки на клавиатуру. Смотришь на экран и хмуришься (хвала небесам, в твоём лице ни капли ботокса).

— Хм...

Похоже, что-то смущает тебя в моей анкете.

Спокойно, Джо. Помни, ты «оправдан и невиновен».

— Я уже уволен?

— Пока нет, но тут нестыковка...

Ты не можешь знать о деньгах, которые я пожертвовал библиотеке, потому что главным условием была анонимность, и дама в совете поклялась, что избавит меня от

такой мелочи, как проверка биографии. А вдруг она солгала? Или ты наткнулась на блог доктора Ники с его идиотскими конспирологическими теориями? Или дамочка поняла, что я тот самый Джо Голдберг? Услышала обо мне в подкасте одной истерички, одержимой убийствами?

Ты показываешь мне экран: нестыковка — в моем списке любимых авторов. Я выдыхаю.

— Что-то не вижу здесь Дебби Макомбер, мистер Голдберг.

Я заливаюсь краской. На днях по телефону я упомянул, что решил переехать на северо-западное побережье после прочтения ее «Кедровой бухты». Ты тогда рассмеялась и не без сарказма спросила: «Правда?» Я позиции не сдал, но в контратаку не пошел. Я же не диктатор. Не стал настаивать, чтобы ты непременно прочитала одну из ее книг, — просто сказал, что Дебби помогла мне и что история о добродетельной и справедливой судье Оливии Локхарт и ее парне-газетчике Джеке вернула мне веру в этот мир. Ты ответила, что будешь иметь в виду (обычная отговорка, когда кто-то рекомендует книгу или сериал), но теперь, упоминая об авторе, которого я похвалил, ты подмигиваешь мне.

Да, черт побери, ты мне подмигиваешь! У тебя золоти-сто-рыжие, словно огонь, волосы.

— Не дрейфь, Джо. Я съем говядину, а ты ешь брокколи. Никто ничего не узнает.

— По рукам, — говорю я, узнав цитату из сериала. — Похоже, кто-то все же побывал в Кедровой бухте.

Кончики твоих пальцев ударяют по клавиатуре. Клавиатура — это мое сердце.

— Я же обещала...

Сразу видно: женщина слова.

— Ты был прав...

Бинго!

— Это прекрасное противоядие от «того ада, что творится в нашем мире»...

О да, малышка, ты уже меня цитируешь.

— Все эти велосипеды и борьба за справедливость как-то успокаивают, — говоришь ты и пускаешься в рассуждения о плюсах и минусах эскапизма (я первым упомянул этот термин в нашем разговоре, и ты подхватила его вслед за мной).

Ты сексуальна и уверена в себе, а я уже успел забыть, что такое испытывать влечение.

— Отлично, — откликаюсь я. — Может, организуем фан-клуб?

— Ага... Но сначала скажи, что же произошло.

Вы, женщины, всегда хотите знать о прошлом, только ведь прошлое осталось позади. Прошло. Его больше нет. Я не могу признаться тебе в том, что эта книга помогла мне пережить тюремное заключение, стала лечебным бальзамом, который исцелил душевные раны от несправедливого ареста. Тебе ни к чему знать эти неприглядные подробности. У всех нас бывают периоды, когда мы чувствуем себя загнанными в ловушку, запертыми в клетку. И не имеет никакого значения, где конкретно настигают нас эти страдания.

Я пожимаю плечами:

— Ничего особенного. Просто черная полоса...

Зато теперь я на собственном опыте знаю, что лучшая литература для тюрьмы — это пляжное чтение.

— Дебби поддержала меня...

Когда Лав Квинн бросила.

Ты не выспрашиваешь подробности (моя умница!) и говоришь, что тебе знакомо это чувство (кто бы сомневался).

— Не хочу тебя огорчать, Джо, но должна сразу предупредить...

Как мило — ты обо мне заботишься.

— Тут не Кедровая бухта.

Мне нравится твой пыл — ты явно напрашиваешься на схватку, — и я наклоняюсь к тебе над стойкой, за которой ты болтала со старпером.